

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н.Я. МАРРА

Н.Я. МАРР

ИЗБРАННЫЕ
РАБОТЫ

ТОМ ПЯТЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

4
ЛМ-
АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н.Я. МАРРА

Н.Я. МАРР

ЭТНО- И ГЛОТТОГНИЯ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1935

ПЕЧАТАЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ РЕДАКЦИОННОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ

С. Н. Быковского, акад. И. И. Мещанинова, акад. С. Ф. Ольденбурга

НАСТОЯЩИЙ ТОМ ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ

В. Б. Антекарем

Ответственный редактор *Ф. В. Жигарисов* Технический редактор *Г. Г. Гильо*

Рисунок для переплета, титула и контртитута работы *В. Д. Двораковского*

Форзац автолитография *Е. Г. Дорфман*. Супер-обложка по макету *Г. Г. Гильо*

Цена книги 16 руб., переплет 1 руб. 50 коп.

Отпечатано в количестве 5 тыс. экземпляров в типографии Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, № 12

Сдано в набор 4 июля 1934 г. — Подписано к печати 5 декабря 1935 г.

Ленгорлит № 33697. Авт. л. 58,2. Бум.: формат 72 x 110, л. 43¹/₄. — Тип. зн. в бум.'л. 109,2 тыс. — Тир. 5000. — Заб. № 1171

Абхазоведение и абхазы

(К вопросу о происхождении абхазов и этногонии восточной Европы)¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тон делает музыку. Музыка это ритм и звуки. Ритм и колебание, звуки оно или линии, это двигатели общественности как исторической, так доисторической, двигатели, сами создаваемые работой над материалом, основой хозяйственно-общественной жизни. Ритм и звуки это техника и материальная природа создания доисторической общественности, звуковой человеческой речи. Революция сбивает и ритм, и звуки, и линии общественности. Старый ритм, не говоря о линиях и звуках, — живой труп, или пережиточный предмет, отнюдь не отмирающий бесследно, даже тогда, когда он доисторический, как не бесследно исчез у человека хвост. Месопотамское племенное название «шумер» представляет, если бы не углубляться сразу до дна, основу шум- и окончание множ. числа -ег, на самом деле это анахронистическое восприятие в путях позднее установившейся структуры языка и на ней обоснованного учения о формах; в действительности в термине шумег, которому значительно более чем полдесятка тысячелетий, составное слово (шум-ег) и шум его усеченная основа, как и более цельный в отношении начального согласного (š ʃq || ʃq) пережиточно сохранившийся вид ʃqum, в котором доисторический еще не расчлененный сложный звук, эквивалент начального согласного «ш», представлен полной группой ʃq (чх), и вот этот пережиточный вид основы, однако усеченной (ʃqum вм. ʃqumer || ʃqumat), дожил не только до эпох исторических самостоятельно (он, между прочим, название города Сухум, архетип самого слова «Сухум»),² но с доисторическим образованием, казалось бы, мн. ч. при помощи префикса le-, именно Leʃqum, являясь, как выходило при таком толковании, племенным названием, терминологически равнозначным шум-ег'у, сохранился в качестве названия ныне грузинской области, некогда населенной, мы имели основание думать и заключать, «чхум»'ами или «шум»'ами. Однако как название месопотамского народа оказалось вовсе не флективно возникшей формой, а составным двуплеменным термином шум-ег, так и кавказский le-ʃqu-m — скрещение, уже трехплеменное, именно «рас-шумерское». Исторические шумеры из жизни и быта исчезли вместе с именем бесследно, а доисторические их тезки сохранились этнографически до наших дней, конечно, не в первой трансформации; сохранился в живом быту сравнительно непочато и доисторический вид их названия — трегубо скрещенный «Ле-чхум», собственно, следовательно, «рас-шумеры».

¹ [Доклад, прочитанный на Первом Съезде деятелей краеведения Черноморского побережья и западного Кавказа в Сухуме осенью 1924 г. и повторенный на публичном собрании РАИМК. Напечатан в «Восточном Сборнике» Ленинградской Публичной библиотеки, Лггр., 1926, т. I, стр. 123—163.]

² Н. Марр, Сухум и Туапсе (Кимерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья) [см. здесь, стр. 153—161].

У Крыма с северо-восточным Черноморьем также свой доисторический ритм и звуки, пережиточно поддерживаемые в их полноте до наших дней речью и современного яфетического населения соответственного района.

Как во всех яфетических районах, так и здесь, есть тройное колебание гласного а || о || е, смотря по племени, если пользоваться древними местными племенными названиями — сарматское (а), скифское (skwэ'ское, собственно ску-та'й-ское) или сколотское (о), кимерское или иберское (е). Огласовка «е» нисколько не моложе огласовки «а» или «о». Ныне она поддерживается в указанном районе черкесской речью. У черкесов Кабар-da, т. е. готовая уже форма племенного названия Kabar- с суффиксом мн. числа -da (← -dan → -ḡan → -ḡa, ср. -ḡa в Σχó-ḡa), звучит Keber-, как Teber-da там же, а в Абхазии Tebel-da в своих основах Teber-, Tebel- представляют сибилантные двойники того же черкесского Keber. Древность огласовки «е» подчеркивается и архетипом названия самих черкесов, именно kerket'ами.

Само название абхазов, позднейшее искажение правильной формы «абаск», собственно ее основу bas, здесь не могли природно произносить иначе, еще в древности, как с кимерским эканием — bes, откуда с префиксом о- — хорошо известное из русской истории племенное название «обезы», форма гибридная по огласовке, именно скифо-кимерская, так как на этом понтийском севере, конечно, не мегрелы или чаны, т. е. не колхи с юга, могли скреститься своим окающим суффиксом с черкесским эканием основы и завещать средневековому русско-севернокавказскому населению, так в частности тмутараканскому государственному образованию, а могли это сделать скифы с кимерами. А. А. Спичин даже предполагал, что в Тмутаракани русский князь мог опираться лишь на свою дружину, так как не имел, мол, поддержки в местном населении, обезах, с которыми русские, как то обычно предполагается, ничем не были связаны.

С доисторическим эканием, следовательно, гражданское равноправие получает в древности Керчь рядом с Кор-чев || Кор-чем. Это, конечно, не значит, что основы kar || kor || ker в какой-либо мере первичные; это спирантизованные виды сибилантных разновидностей, так kor — спирантизованный skor → skur, в доисторическом пережиточном произношении у яфетидов tkur (tkur); и вот этот сравнительно более древний вид наличен в основе названия того же города Scur+и-ев и в составе известного древнему миру города в Абхазии Dio-skur-ia-s, в основе населенного пункта там же, в Абхазии, I-skur-ia,¹ Skur-ḡa,² равно в основе названия местечка A-tkur-1 на Куре в Грузии и т. п. Skur, как нарицательное имя, значит 'населенный пункт', 'селение' или 'город', 'страна', подобно его спирантизованному виду kur, в шумерском сохранившемся со значением 'страны'. Сейчас я не обращаюсь к палеонтологии речи, чтобы оправдать и все другие значения шумерского слова, восходящего к племенному названию и его семантическим дериватам ['небо' →] 'гора' и т. п. Значение 'страны', 'населен-

¹ Du Bois, т. I, стр. 316: Rottiers (Itinéraire etc., стр. 23) в 1817 г. на развалинах Диоскурии находит жалкое селение Искурию.

² Ук. соч.: Paul Guibal в 1831 г. в своих заметках от Абхазии называет Искурию Скурчею (Courcier de la nouvelle Russie, № 103).

ного пункта', 'селения' или 'города', устанавливаемое за *skur* или его разновидностью *kur*, имеет существенное значение не для яфетического лишь юга. В полной яфетическими переживаниями Армении это самое *kur* с природной для обеих ее языков трансформацией звучит — *guł*, resp. *guğ* (→ древнелит. *gīwğ*) 'селение', а еще южнее у сирийцев *kur+u-að* 'селение', 'город (*oppidum*)', одинаково дериваты все того же яфетического термина. На севере, по всей видимости, это яфетическое переживание мы имеем в русской речи Слова о полку Игореве, в стихах: «Всеслав князь... сам в ночь вълком рыскашеть, из Кіева дорыскашеть до Кур Тмутараканя», т. е. до селений или град Тмутаракани.¹

Наличие одних и тех же названий на северо-восточном побережье Понта не ограничивается повторением тмутараканских терминов в одной Абхазии: они заходят на самый юг. Так окающая форма туда занесена мегрело-чанами, пережитками скифов, или колхов, как, напр., в бассейне Чороха *Kor-id*, в груз. форме *Kor-id-eð*, в праформе **Kor-ud* (с тем же суффиксом, что *Artan-ud* на самом Чорохе), буквально повторяющей название Керчи, по Вестбергу,² за хазарское время в IX веке, в греческом произношении *Kor-wđ* (Κόρ-υζ-ος). Я не останавливаюсь на акающей форме *kar* той же основы, широко использованной и на севере (Приволжье, Финны) и на юге (Кавказ, Сирия, Африка и т. д.) как название то 'города', то 'села', в зависимости от положения карского, resp. салского или талского, племени в социальной структуре данного района.³ Наконец, интересна и акающая разновидность *ker*, наличная в названии в форме архаичного удвоения *Ker-ket* (отсюда «черкес»), равно Керчь (←**Kerðem*).⁴

С другой стороны, Корчев || Корчем своим суффиксом *mn.* числа *-ðem* нас повлек бы теперь на далекий север к чувашам, вместе с болгарами и хазарами органически, а некогда и топографически близким к Тмутаракани: у Чувашии особенно существенные для нее топонимические связи и с Керчью и с Карачаем-балкарами, вообще со всей Тмутараканью и Кавказом, но чувашаи, ведь, не благородные далекие от нас шумеры, исчезнувшие с лица земли много тысяч лет тому назад, чтобы они могли числиться в кругу благоприятствуемых в мировых научных кругах предметов изучения или обучения, это загнанный, до последнего времени культурно преследовавшийся, у нас под боком обретающийся живой народ, едва-едва заслуживший пока внимание провинциальных ученых, ученых краеведов. Не естественно ли, что и весь доклад мой, посвященный таким же мировую науку мало интересующим краеведческим вопросам с краеведческим подходом, и был-то прочитан на краеведческом съезде в Сухуме, и потому заранее приношу извинение за его непривычную в высоких научных кругах свободную,

¹ Такое по существу толкование давали комментаторы Слова, как Эрдман (Следы азиатизма в Слове о полку Игореве, ЖМНП, 1842, № 10, стр. 20—21), но предполагали использование арабского слова! Снегирев также сближал со словом «курень» 'селение', см. Барсов, Слово о полку Игореве как художественный памятник, т. III, стр. 417, и В. Д. Смирнов, «Что такое Тмутаракань?», ВВ. т. XXIII, стр. 54—58.

² К анализу восточных источников о восточной Европе, ЖМНП, 1908, март, стр. 21.

³ Н. Марр, *Ὀλβία* и *Alba Longa*, ИАН, 1925, стр. 663—672; его же, Чуваши-яфетиды [см. здесь, стр. 369]; его же, Из переживаний доисторического населения Европы в русской речи и топонимике [см. здесь, стр. 315].

⁴ См. выше, стр. 163, едва ли от **Kerðet*, resp. *Kerket*, как предполагалось нами раньше.

может быть и шокирующую тонкий вкус и хороший научный тон, трактовку темы.¹

Настоящий доклад мой читан в Абхазии на краеведческом съезде.² Членам Первого Съезда деятелей краеведения Черноморского побережья и западного Кавказа в городе Сухуме не могла бы быть безразлична сама тема «Абхазоведение и абхазы». Уклон трактовки, естественно, краеведческий.

Не только в мире, изучаемом естествоиспытателями, растительный он или животный, играет значительную роль ландшафт. Распространение известных видов не одной флоры и фауны связано с пределами определенного ландшафта. Существуют также племенные ландшафты, на которые и делится вся территория, занимаемая человечеством. На связи населяющего племени с определенной территорией и основана попытка моя ввести в этнографическую науку термин «геоэтническая единица». Палеонтологическое разъяснение названий населенных пунктов, морей и озер, рек и гор, т. е. всей топонимики, поскольку она пережиточная, архаическая, установило, что племена доисторического населения всей Африке были рассеяны, одни и те же, по всему обширному району средиземноморского окружения и прилегающим к нему районам трех названных старых частей света — Африки, Европы, Азии. Везде одна и та же группа племен, яфетических племен, ложится в основу общественной жизни данного района, в основу происходящего в каждом таком районе процесса нарастания нового этнического типа, образования новых видов племен и народов, все под теми или иными старыми тождественными названиями или их разновидностями. Возникает сомнение в полезности исканий особых центров зарождения, когда везде происходило одно и то же. Поскольку речь касается вопроса о каком-либо общем первоначальном источнике, это так и есть. Мы считаем бесполезным и ненужным, вообще не реальным, переводить, например, иберов вообще с востока на запад или с запада на восток, или в обе эти стороны с юга из Африки (есть, ведь, и такое исследовательское устремление). Но совсем другое дело, когда обсуждается население определенной геоэтнической единицы, определенного ландшафта. Тут перед нами конкретные явления, исторические факты и тогда, когда не хватает или вовсе нет исторических данных, и мы основываем свои выводы на языковой палеонтологии и других этнологических фактах. Здесь считаемся с переселением и вносимыми им конкретными изменениями содержания геоэтнических районов племенных ландшафтов. Племенной ландшафт — единица исследования для каждого специалиста по истории человеческой культуры. Большую неурядицу составляет, когда естественный племенной ландшафт нарушают отвлеченным административным делением. Не всегда легко, однако, определить естественный племенной ландшафт, непрерывно нарушавшийся всякого порядка насильственными или искусственными мерами и разъяснениями, не только административными, но общественными и в связи с ними также научными. Основная задача исследователя человеческой культуры определить этнический ландшафт данного национального

¹ Предисловие при втором чтении доклада, что имело место на публичном ученом собрании РАИМК.

² 1924 г.

образования в его простоте или сложности, в первую очередь наличный ландшафт, затем и предшествующие его пределы и очертания вплоть до первоначальных пределов и очертаний, т. е. вплоть до праландшафта, вместилища определенного этнического образования на соответствующей ступени его развития.

Абхазия в этом смысле еще непочатое поле для исследователя.

Абхазоведение пока, собственно, и не начинало организованно вестись, да оно и не могло бы быть вообще организовано, так как не организовано краеведение, а абхазоведение есть часть краеведения.

А что такое краеведение, поскольку мы интересуемся человеческой культурой, на этом здесь мы не будем останавливаться, разве в мере выявления нашего отношения к нему.

Мощный поток краеведческого интереса это самое жизненное в настоящий момент явление в научно-организационной жизни России и громадного большинства союзных республик. Тому свидетели непрерывно следующие один за другим краеведческие съезды. О важности краеведения никто не спорит, но понимание сущности краеведения далеко не тождественно у всех его ценителей. Краеведение для нас не простое приращение наших знаний и не особая какая-либо область знания, а особый метод. Метод этот органически связан с новой нашей общественностью. В краеведении основной залог спасения наших центральных научных организаций, которым иначе угрожает внутри косность и омертвление, а извне отмирание от всей живой, движущейся вперед современной, мятущейся и все-таки творческой общественности.

О краеведении нам приходилось высказаться в линии подобных мыслей,¹ могущих при ориентации отживших мировоззрений показаться парадоксальными. О нем придется высказаться в других местах. Одно то, что у науки в центре прервалась нормальная связь с зарубежными центрами, должно бы было толкнуть на хотя бы запоздалое признание в краеведении якоря спасения. Мы не замечаем, что мы гибнем, несмотря на богатство нашего содержания и жизненной энергии, — гибнем как организации, по их несоответствию требованиям, беспощадным, неутомимым требованиям жизни. По краеведению должна перестроиться и вся наша школа.

Во всяком случае факт тот, что к предмету нашего доклада (об этом не может быть двух мнений) академическая наука проявила поразительную косность. Как научное кавказоведение, до последнего времени сводившееся к арменистике и грузинологии, могло относиться к абхазскому краеведческому делу, это также достаточно выражено, думаю, в заметке моей «Кавказоведение и абхазский язык», появившейся почти 10 лет тому назад.²

Однако работ по абхазоведению имеем не мало. Разряд Российской Академии истории материальной культуры «Кавказ и яфетический мир» и Яфетический институт Российской Академии наук уже предприняли в объединении коллективную работу «Библиографию абхазской литературы по общественным наукам».

¹ Н. Марр, Краеведческая работа, Научный работник, кн. 1, стр. 10—18, Москва, 1925; его же, Краеведение, изд. Ассоц. горск. краеведч. организаций Сев. Кавказа, Ленинград, 1925.

² ЖМНП, 1916, № 5, стр. 1—27 [перепечатана в ИР, т. I, стр. 59—78].

Поспешая к съезду часть охватывает русские работы, однако и этого достаточно, чтобы убедиться в количественной отнюдь не бедноте этой литературы. Кстати, предприятие наше не ограничивается простой сводкой печатных данных по данному библиографическому вопросу, а проверяет их по самим книгам, наличным в богатых наших книжных собраниях в Ленинграде, со внесением во многих случаях суммарно содержания или указания затрагиваемых в книге интересных для абхазоведа вопросов или предметов.¹

Одно обстоятельство мы можем отметить и утверждать сейчас же. Сами абхазы или краеведы, опирающиеся на показания абхазов, вот кто главные работники; судя по этой библиографии, им принадлежат и качественно лучшие абхазоведные материальные работы.

У абхазов вопрос об абхазоведении не отвлеченно-научный, но и не отвлеченно-общественный вопрос. Без абхазоведения в самом даже узком, примитивном смысле этого термина, именно без науки об абхазском народе, следовательно, в первую голову об абхазском языке, и без использования ее в практически необходимых делах, не может быть речи ни о просвещении абхазских масс, ни даже о возможности правильно и плодотворно построить хотя бы начальную национальную школу.

Фактически гуманитарное абхазоведение, в краеведческих путях организованное, началось было в тот момент, когда возникший в центре отвлеченный научный и природный на месте краеведческий национальный интерес скрестились именно в Абхазии, и сразу стали накапливаться материалы, абхазские тексты, сказки, фольклор, этнографические наблюдения, начинавшие стягивать вокруг себя кружок любителей-абхазов, и дали толчок к теоретическому освещению ряда общих и абхазских местных научных вопросов, причем результаты и по той и по другой стороне общего исследовательского дела пробивали себе пути в общенаучный обиход, печатаясь в сериях Российской Академии наук. Организационно намечалось образование Бзыбского абхазского научного кружка в объединении с Академией наук через мои работы персонально: Яфетического института еще не было. Но разруха, последовавшая за войной, и гражданская война не дали прочно сложиться наладившемуся было делу.

Конечно, на месте среди абхазов, на которых лежит в первую голову долг упрочить общественно гражданские права абхазоведения, интерес к родной краеведческой отрасли знания, давно пробужденный, не замирал. Интерес возбуждали на месте различные стимулы: официальный вероисповедный стимул, абхазами использованный для изучения родного языка (Патейпа и др.), национально-педагогический (Гулия, Чочуа и др.) и этнокультурный с географическим (Джанашия, Мачавариани). Прямо-таки по обилию материалов и большей их доступности абхазоведение на месте сразу ориентировалось больше на этническую, чем на историческую культуру.

К этнической культуре относятся в громадном большинстве как лучшие, представленные самими абхазами материалы, так занимавшие их вопросы, в числе

¹ Дальнейшее ведение этой работы, повидимому, потребует привлечения работников и Публичной библиотеки.

их основной — о происхождении абхазов. Этот вопрос и сейчас не только важнейший по особым основаниям, когда речь об абхазах: он первоочередной и в центрах теоретической работы. Каков бы ни был источник, определенное его решение внушалось самим абхазским общественным мышлением. Еще в первую четверть XIX века европейцы знали, что идея о родстве абхазов с египтянами была популярна в Абхазии, и ее абхазы поддерживали доступными им научными доводами.¹

Эта идея не покидала краеведов-абхазов. Ей мы обязаны работой П. Чарая.² Ею воодушевлен в наше время уважаемый наш коллега Д. Иос. Гулия.³

Мысль сама по себе не является отнюдь ирреальной, необходимо лишь уточнение пределов и возможностей этого вопроса, уяснение себе сложных племенных взаимоотношений яфетических народов, с учетом которых вопрос должен получить то или иное решение.

Яфетическое языкознание, медлившее его освещением, в заботах об укреплении предварительно своей материальной базы по абхазскому языку, теперь вынуждено им заняться под давлением накапливающихся теоретических положений, требующих некоторой ориентированности в действительном положении дела. Так-то теоретически родство египетского с абхазским может не подлежать сомнению, поскольку абхазский язык — яфетический, а яфетические языки родственны с семитическими, у которых с хамитическими, включающими в себя египетский, имеются бесспорные признаки родства. Следовательно, наличный абхазский язык не может теоретически не быть в родстве с египетским. Но когда переходим к самим конкретным особенностям и вообще к природе абхазского языка и сравниваем его с египетским, получается целый ряд черт как материального, так типологического порядка, которые действительно подтверждают родство абхазского с египетским, однако родство это фактически обосновывается более по тому положению, что египетский имеет много общего с яфетическими языками, в семью которых входит и абхазский, чем по линии исключительного родства египетского именно с абхазским.

Для примера беру одно и типологически и материально характерное явление: 1) египетскому свойственно префиксовое образование, имеется губной префикс *m-*. Ему Грапов (Dr. Hermann Grapow) в год начала мировой войны в Актах Прусской Академии наук посвятил специальную статью;⁴ и вот префиксовое образование роднит египетский не менее с яфетическими, чем с семитическими языками, но префикс *m-* актуальным является из яфетических языков в действующей грамматике сибилантной ветви по обеим группам, свистящей и шипящей, в абхазском же языке разве пережиточно, в виде неосознаваемого придатка, этот префикс не

¹ Берже, Краткий очерк горских племен и народов, ОГП, Кавказский календарь, стр. 272: «Абхазцы сами себя называют Абсне и на этом основании, уверяет Эйхвальд (1, 311), считают себя потомками древних египтян и абесинян, между тем как по догадкам других ученых они происходят от армян».

² П. Чарая, Об отношении абхазского языка к яфетическим, МЯЯ, т. IV.

³ За это время Д. И. Гулия успел напечатать свой труд, докладывавшийся автором на съезде, где он вызвал горячий обмен мнений. Труд издан Наркомпросом ССР Абхазии: Д. Гулия, лектор абхазского языка Тифлисского Государственного университета, История Абхазии, т. I, Тифлис, 1925.

⁴ Über die Wortbildungen mit einem Präfix *m-* im ägyptischen, Abhandl. der k. Preuss. Akad. d. Wiss., 1914, Phil.-Hist. Kl., № 5, Berlin, 1914, стр. 1—33. Я не останавливаюсь на том, насколько примеры Грапова далеко не всегда оправдываются яфетической палеонтологией.

дает себя знать, как не наличен он в роли действующей сейчас грамматической категории и в баскском, и возникает то большое «но», к которому приходится подходить с точки зрения более уточненного представления о внутренних взаимоотношениях языков каждой этнической среды, не только черноморской, но и средиземноморской. В Африке, казалось бы, чего легче: коптский язык, родственный с египетским, считать его дериватом, позднейшим его видом, и более поздним, как коптская христианская литература, бесспорно более поздняя, чем египетская литература иероглифов и примыкающей древней письменности. Конечно, доступный нам по христианской литературе коптский с громадным усвоением греческих слов нельзя сравнивать по древности с египетским языком иероглифов, но вот решаюсь утверждать, что по своему основному, именно природному, слою этот коптский язык несколько не менее древний язык, чем египетский. Коптский язык перед нами встает в ореоле, наоборот, особого архаического интереса, когда мы считаемся с тем, что христианские литературы Средиземноморья открыли путь речи раскрепощавшихся народных масс, вызвали вхождение элементов языка низших народных слоев и у греков, и у латинян, в Египте же переход полностью на такую же социально тогда низкую местную речь, а социальные слои, как выяснилось, — пережитки особых племен, низшие сословия — пережитки более древних племен, чем насевшие на них. Словом, коптский язык для нас представляет в своих природных слоях, негреческих, исключительный интерес, когда мы доискиваемся соотношений черноморских западно-кавказских наличных языковых фактов с средиземноморскими северо-восточными в целях подойти правильно к вопросу о таких же взаимоотношениях в древнейшие эпохи. Кроме того, некоторые особенности коптского языка ему отводят место в первичной стадии развития яфетических языков, так именно преобладание глухого губного звука датирует его эпохой древнейшего слоя доисторической топонимики Европы, куда относятся Ew-rō-ra, Al-pi, Pyrene и др.¹

В числительных выражение '80' словами 'четыре двадцатки' выявляет у коптов такой же пережиток из доисторических яфетических языков Средиземноморья, как то же самое у французов, а наличие звуковой группы nt, являясь указанием на близость коптского к доэллиническому языку, в то же время по выяснившемуся его восхождению, как и одного зубного t к плавному r (отсюда восхождение ront'a к por), свидетельствует, что природный слой коптского языка в его яфетическом состоянии принадлежит к шипящей группе яфетических языков, конкретно ныне на Кавказе к мегрельскому и чанскому, или лазскому. И вот

¹ Н. Марр, Из поездки к европейским яфетидам, ЯС, т. III, стр. 37; его же, Первый средиземноморский дом и его яфетические названия, у греков μέγαρον, у римлян atrium, ИАН, 1924, стр. 236; его же, Analyse nouvelle du terme Pyrénées, ДАН, 1925, стр. 5—8 и Les Pyrénées ou Monts Ioniens, там же, стр. 15—18. Интересны в этом отношении такие звукосоответствия коптского с яфетическими языками Кавказа, как

р-член (местоим. элем.)
pē- 'тот', pī- указ.
rai- 'этот', 'это' → rei- id.

яфет.:
абх. b в ab-rī,
г., м., ч. m в г. m-18, а+m-18, м., ч. mu-шл.

См. также ре ж. р. 'небо' ← рег, но не mer (|| mar || mor ['море']) или ber ~ bes (|| bor → bo: русск. «не-бо», «не-бе-са») → fer.

коптский язык, действительно, проявляет в самих названиях чисел, не только в типологии числительных, да и в длинном ряде нарицательных слов, терминов родства и др., бесспорное сродство с мегрельским и чанским языками. Иногда эти яфетические переживания шипящей группы в коптском сохранились лучше, чем в доселе чистых яфетических языках; так 'три', по-грузински звучащее *saṃ-i*, по шипящей группе должно бы звучать *шот* → *шшт*, что почти утрачено в этой непочатой форме у чанов и совершенно у мегрелов, ввиду замены «ш» свистящим *s*. но в коптском с пережиточным суффиксом мн. числа *-[u]nt ~ -ur* → *-u*, как в баскском *ig-u*, первичная форма основы *шот-:* *шот-nt*.¹

Число 'десять', собственно 'десяток', как 'двадцатка', 'сотня', 'тысяча', 'десять тысяч' в яфетических языках выражается словом, означающим и 'человека', так как это племенное название, тотемное, используемое в значении 'неба', собственно 'небо — вода', отсюда с одной стороны в пучковом значении 'небо+гора+голова', с другой 'вода' ← 'море'. Еще в первый год существования Яфетического института на его собраниях давался обстоятельный анализ с подходом от представления 'море' → 'песок' к турецкому термину, означающему 10 000 — *tuman*. Тогда еще было нами указано яфетическое происхождение этого турецкого слова с подходом от представления о 'море', отчасти с филологическими доводами, ссылкой на ванскую клинопись, на ее халдский словарный материал. Тогда же было мне указано нашим коптоведом П. В. Ернштедтом на созвучие коптского *tba* с турецким *tuman*. Теперь, после вскрытия, благодаря чувашскому. генетической связи турецкого с яфетическими, дело представляется проще. И исходить ли из представления о 'море' с песком (о 'тьме', см. ИРАИМК, т. III, стр. 271), о 'небе' со звездами, о 'голове' с волосами, или о другом предмете, образе многочисленности, данное яфетическое слово в коптском представлено так, как в грузинском заимствованное или усвоенное им из языков шипящей группы *toba*, по-грузински звучащее *tba*, т. е. буквально так же, как у коптов то же самое слово в числовом значении.²

Такая близость, полное тождество, коптских слов с мегрело-чанскими выступает иногда даже в глаголах, в этой позднее возникшей категории, так, напр., *kwt* 'строить дом' — ч. *kod* 'строить', ч. *kod-a* 'стена'³ и т. п.

По семантической типологии в коптском представляет доисторическое, именно нормами яфетических языков разъясняемое явление, что 'брат' (*son*) и 'сестра' (*some*) выражаются одним и тем же корнем, разновидностями одного и того же корня, как в греческом (*ἀδελφος, ἀδελφή*), где это пережиток яфетической еще речи, как ее пережиток в латинском так же, как в албанском, один корень, одна основа для выражения 'сына' и 'дочери', так как на одной стадии развития яфетических языков, разделяемой с ними отчасти еще семитическими, вообще тер-

¹ Формальная звуковая сторона остается в силе, хотя палеонтология успела вскрыть составность этого слова: *шо-mnt* (≈ *шо-mur*) → *шп-ш*.

² Конкретное значение этого, как теперь уже выяснилось, составного по скрещению *сал-банского*, т. е. *сал-йонского*, если не *сал-берского* двуплеменного слова требует еще окончательного установления по нормам семасиологии числительных.

³ См. N. Marr, *Сынахаге géorgien*, Préface (печатается в *Patrologia Orientalis*) [напечатано в т. XIX, вып. 5, Париж, 1926].

мины родства были по корням одни и те же, шла ли речь о мужчине или женщине. Но коптский сохранил более яркий яфетидизм, общий у него с абхазским, в термине 'брат' || 'сестра', это то, что корень у этих слов общий со словом 'кровь' (сноч).

На самом корне этих слов, независимо интересном для яфетических народов Средиземноморья, я сейчас не останавливаюсь, но в коптском находим и другой корень, у яфетидов означающий 'брат', равно 'сосед', 'друг', при том сванский его вид, однако со значением исключительно 'друга', как в грузинском, который его усвоил также из языка сванского типа, с той разницей, что на Кавказе яфетические языки его сохранили с префиксом *me-* — св. *me-qwbar-* || **me-qwber*, г. *me-gobar*, и вот основа **q̣wber* с коптским перерождением горланного *q̣* в шипящий «ш» и имеем в *шѣнр* 'друг'. Это та же самая основа, которая у современных армян сохранилась с префиксом *a-* (*a-ğber* → *a-q̣fer*), у древних с префиксом *e-* (*e-ğbaur*), у тех и других в значении 'брата'.

Однако такое вторжение экающей спирантной разновидности сванского типа не меняет в общем шипящей яфетической основы коптского языка. Рядом со внесением отдельных слов спирантного типа влияние спирантной ветви сказывается в коптском в том, что шипящая разновидность слов, как сейчас увидим, иногда спирантизуется, как в мегрельском и чанском. Но шипящая основа яфетического состава коптского языка остается непрерываемо господствующей так же, как в наличных представителях шипящей группы, языках мегрельском и чанском.

'Сын', по-грузински *шvil-1*, у народов шипящей природы, мегрелов и чанов, должен бы звучать *sker-e* или *skir-e*, с грузинской огласовкой и окончания — «и» вм. «е» — *skir-1*, что и есть налицо в чанском, и вот коптский сохранил при первичном именном окончании «е» с перерождением группы *sk* → ш: *шер-е*, равно *шг-е* 'дитя', 'сын', но то же самое перерождение, наблюдаемое в зависимости от яфетического субстрата и в германских языках (*sch* = ш ← *sq* || *sk*), видим и у лазов, именно «тралезундских лазов», которые нынешнее чанское *skir-1* производят *шг-1* в значении именно 'сына', как копты.

'Брат' по-грузински — *m-ter-1* (← **mter-1*): его закономерного соответствия по шипящей природе — *ṭad-e* в мегрельском не находим, но оно налицо в коптском с мутацией зубного *ḏ* — *tat* («*ṭat-e*»).

Еще более в этом отношении характерно перерождение аффриката *ḏ*, на низшей ступени *j*, гесп. ш, в спирант *ʃ*, как это мы замечаем и в шипящих языках последовательно в префиксе *u* ← *o* ← **fo* вм. *ḏ* (→ *d*), на низшей ступени *j*, гесп. ш, отсюда и в соответственном слое баскского, а в чанском и в числительном 'два' *jug-1* (← **шug-1*) ~ *yug-1* ← *yog-1*. Соответственно 'собака' м., ч. *ḏoğor* \ **шоγor* ~ **foγor* → коптск. *uhor*, успевшее проникнуть и в египетский (*whr*). Сюда и примыкает баскское *hor* → *or* (✓ **hoγor*) 'собака'. Таким образом, Шухардт (Schuchhardt) фактически был прав, производя те же самые сближения и отождествления,¹ но теряя идеологически, не располагая данными для правильной классификации фактов и их закономерного распределения.

¹ См. N. Marr, Le terme basque «*udagara*» 'loutre', ЯС, т. I, стр. 2—4.

Сюда же и перебойный эквивалент шипящей группы *ḏun, что представлено богатейшей родней в черноморских яфетических языках шипящей группы и в скрещенном с этой группой армянском. Без фрикативности, именно ḏun, налицо в одном из основных его значений 'дом' у армян, которые произносят его в одной своей части и с мутацией — tun, тогда как мегрелы с обычным для них перебоем гласного «и» в «а» сохранили его и с зубным d — din-o 'нутро', 'внутри', в глаголах предлог 'в-', и без него, т. е. со спирантизацией шo- (← *ḏin-o) 'внутри' → 'в-' (в глаголах), и вот с такой же спирантизацией без утраты спиранта h и без изменения губного гласного «и», именно в виде hune, находим его у черноморских яфетидов черкесов в основном значении 'дом' (ср. абх. а-ḡnə). Эквивалент этого слова в грузинском шп-а (→ ḏo- || ḏj-) означает и 'дом' в смысле англ. home и 'внутри' → 'в'.

Конечно, у черноморских яфетических языков шипящей группы с коптским оказываются общими и другие слова, которые паличны также в египетском, как 'голова' (к. 𓆎, ег. ḏḏ), 'рука' (к. 𓆑, ег. ḏt), при м., ч. dud-i 'голова', м. (и г.) tot-i 'рука' → 'ветвь' (с аканием — ḏaḏ у армян, да и у грузин 'лапа') и т. п. Но и в этих случаях господствуют слова в разновидностях шипящего типа.

Наблюдаются, наоборот, некоторые черты сродства с самим коптским и у абхазского, напр., корень bl для выражения 'глаза': к. bal, абх. а-bl-а и др. Это, кстати, термин не иберского или тубальского племенного происхождения по спирантному типу (ḡbal), как мы предполагали, а простого берского, resp. балского племенного происхождения: его эквивалент, можно сказать двойник — вторая часть двуплеменного г. ḏo-wal-1 → ḏ-val-1. Это грузинское двуплеменное слово ḏo-val → ḏ-val в том же значении 'глаза', более же древняя его форма ḏo-vaḡ-e → ḏ-vaḡ-e с палеонтологически оправданным значением 'луна', 'месяц' сохранились доньше в грузинском, но первоначально и ḏ-val (← ḏowal), означающее лишь 'глаз', некогда одинаково означало 'луну', 'месяц', откуда в грузинском глагол ḏ-vala 'считал'.¹ Теперь мы еще знаем, что плавный элемент l || г, кажущийся последним коренным согласным и таковым действительно являющийся, с определенной эпохи во всех этих разновидностях есть функциональный согласный, показатель множественности, пережиток того или иного племенного слова и, следовательно, в некоторых разновидностях основ bal (коптск.) и bl (абх.) от чистого корня налицо лишь один согласный b-, с огласовкой ba-, и вот от этого простого первичного вида корня в значении 'глаза' и образован в абхазском глагол 'видеть' а-ba-га, т. е. в абхазском налицо осознание слова в форме как будто более ранних эпох, чем в коптском.²

¹ Основа ḏowal явно воспроизводит известное племенное название ḏubal, которое, конечно, также составное, двуплеменное, как то выявили новейшие почувапские наблюдения, см. Н. Марр, Сухум и Туапсе [см. здесь, стр. 160].

² Обычно в анализе видов простых племенных названий мы останавливались, да и теперь останавливаемся, на звуковом комплексе, представляющем закрытый слог, — val, goḡ, uḡ или val и т. п., но, когда речь об абхазо-коптских взаимоотношениях, вообще абхазо-египетских, то приходится приподнимать завесу с более раннего их вида, собственно с более раннего состояния и яфетических языков.

Но вот и здесь вопрос, в какой степени наличный абхазский представляет конкретно ту народную речь, которая слышалась на восточном побережье Черного моря из уст его древнего населения, называвшегося колхами. В какой степени мы можем утверждать, что абхазы наследственно продолжают сохранять в своей речи пережиточно язык колхов, и сложился ли абхазский язык в том виде, как он теперь раскрывается в своей изумительной сложности еще у колхов или по скрещении абхазов с колхами, и где этот процесс произошел, в пределах ли нынешней Абхазии или за ее пределами? Вот очередная сейчас абхазоведная проблема, главнейшая, важная не для одних языковых явлений, а для всей этнической, да и поэтической культуры абхазов. Вот на разрешение чего в ближайшие годы должно быть направлено все внимание и краеведов, общающихся повседневно с материалами Абхазии и смежных стран, и специалистов, работающих без такого непосредственного контакта с памятниками-первоисточниками.

А пока что, одно из достижений яфетического языкознания по абхазскому вопросу это то, что абхазский язык, а вместе с языком, очевидно, природно и по наследству говорящий на этом языке абхазский народ представляют сложный тип гибрида, в котором скрестились два слоя коренного его состава из двух различных ветвей яфетической семьи языков.

Один коренной слой спирантный, который роднит его со спирантным слоем яфетического субстрата, собственно пережиточного субстрата армянского языка,¹ преимущественно древнелитературного языка армян, и вообще с языками спирантной природы, отложившимися в значительной мере в северо-кавказских яфетических языках.

Другой коренной слой — сибилантной ветви, именно из той свистящей ее группы, к которой принадлежит из наличных языков главной своей основой грузинский язык. Отсюда абerrация, заключающаяся в том, что все сродные с грузинским явления языка и быта Абхазии без разбора возводятся к грузинскому языку или быту. Действительный вклад конкретного грузинского языка в абхазскую речь, конечно, имеется, как и обратно абхазского языка в грузинский, об этом говорилось неоднократно. Частично соответственный материал приводился и в печати. Но и по отвлечении бесспорных грузинских элементов абхазский язык остается в особо близком родстве с грузинским благодаря целому коренному слою свистящему. Благодаря именно этому свистящему слою абхазский отделяется в значительной мере от братски родственной с ним черкесо (адыгео)-кабардинской группы языков. Отсюда тот факт, что абхазский язык занимает совершенно исключительное положение, как внутренний яфетический гибридный тип, среди всех яфетических языков Кавказа. Имея одновременно ближайшую связь и с северокавказскими и южнокавказскими наличными языками, абхазский в целом выделяется в одиночный тип рядом со сванским языком, также одиночным

¹ Надо учесть, что со времени прочтения доклада выяснилось, что индоевропейские языки выработались из яфетических, так называемая индоевропейская семья языков лишь позднейшая трансформация яфетической, а не особое расовое явление (ДАН, 1924, стр. 6—7 [перепечатано в ИР, т. 1, стр. 185—186]), и, следовательно, всякий не трансформированный элемент в индоевропейских языках, совершенных или недоработанных, — есть пережиток, а не нечто чуждое.

типом, с той, однако, особенностью, что сванский язык в основе не спирантно-свистящее, а спирантно-шипящее скрещенное образование. При этом бросается в глаза, что абхазский язык скрещен со свистящей группой, принадлежащий к которой грузинский язык и сейчас отрезан от абхазского населения, а в древности еще более был отделен от него этнографически-территориально мегрельским населением, а сванский язык, соседящий и ныне отнюдь не меньше с грузинским, чем с мегрельским, особенно в пхенисцхальской своей части, оказывается основным образом скрещенным только с шипящей группой, к которой принадлежат мегрельский и чанский (лазский) языки. Более того, сванский язык во многих случаях стоит ближе к территориально совершенно разлученному с ним чанскому (лазскому) языку, чем к соседящему с ним мегрельскому, подвергнутому сильному грузинскому влиянию, от которого чанский язык в такой мере безусловно свободен.

Грузинский язык и территориально врезывается между мегрельским и чанским, образуя клин ныне и этнографически своей областью Гурией. Само название Gur-ia сохранило свою догрузинскую форму. Гурия внесла в грузинскую речь своего населения ряд чанизмов или мегрелизмов, но этот грузинский язык, так называемый гурийский говор, все-таки разбил сплошное население из племен, говоривших на многочисленных наречиях шипящей группы, на две части. Началось ли по Черноморскому побережью с самого юга или лишь с юго-востока, это сплошное население с языком шипящего типа занимало непрерывно, не исключая и Гурии, восточную сторону Понта, но до какого предела? До Абхазии ли? Это кардинальный вопрос по этнографии Кавказа, имеющий немалое значение и для освещения того этнического переплета, который занимает умы многочисленных ученых всего мира, как один из главных источников этногонии, т. е. возникновения новых типов не только племенных, но и языковых в восточной и даже средней или северной Европе, здесь начиная с германского и кончая венгерским. Ведь привлечение к нашему исследовательскому делу и языка угро-финской семьи нас уже не смущает, раз чувашский язык своими яфетическими переживаниями перебрасывает прочный мост к родству двух типологически давно сближаемых друг с другом групп: турецкой и угро-финской. Намечается уже такое разрешение: обе эти группы представляют дальнейшее развитие яфетических языков, как выделившиеся еще в период их совершенного агглютинативного состояния из яфетической речи, в них языковый тип более древний и долженствующий быть, естественно, более близким к яфетическим языкам в их более древней формации.¹ И вот вопрос о том, доходили ли племена мегрело-чанской речи, т. е. племена, говорящие на языках шипящей группы, до Абхазии с населением и тогда того же сложного состава, как в исторические эпохи, с момента появления абхазского имени в исторических анналах, или сюда позднее проникла

¹ За последние месяцы, особенно после вторичной поездки (лето 1925 г.) к чувашам и вообще в Приволжье, финские языки, не исключая суоми, конкретно вошли в круг яфетидологических работ и дали возможность уточнить здесь положение их, собственно их яфетических прообразов, среди яфетических. Здесь также наблюдается деление на группы алающую (куда относится суоми, обычно называемый финским) и окающую (куда коми, или зырянский, равно удмуртский, или вотский, и др.), да и окающую, хотя бы по скрещению.

эта сложная абхазская речь, конечно, еще раньше существовавшая, а по типологии коренного своего слоя значительно более древняя, чем мегрельский и чанский, равно грузинский языки.

У нас, думаю, есть что ответить, хотя бы пока в виде ближайшей рабочей гипотезы.

Во-первых, к шипящей группе, по всем вероятностям, принадлежал скифский язык, родной яфетический язык скифов. Следовательно, абхазы одно время также врезывались клином между племенными языками шипящей группы, деля их тогда на южных колхов, позднее иберов, или гуров, и на северных скифов, т. е. деля первоначально все чисто скифские, следовательно, племена, как теперь грузинский клин отделяет чанов или лазов от ближайше с ними родственных мегрелов, или гуров. Не буду останавливаться на технической стороне тождества терминов «гур» и «ивер», как вообще на вопросе если не возможно более близкой связи и этнически скифов с иберами или, что то же, как выяснил наш молодой яфетидолог А. Н. Генко, кимерами, заклятыми врагами скифов, то о постоянном их тесном общении.¹

Но факт тот, во-вторых, и на этом я продолжаю настаивать, думаю, с основанием, что с названием скифов, которые себя именовали скелотами, отождествляется племенное название колх (или когоq): это лишь спирантная или, точнее, спирантизованная разновидность skolot'a; эта спирантизованная разновидность племенного названия в более близком к первоначальному виду skolot обличье звучала kolot и kolt (→ koyt), каковые обе формы сохранились и с изменением и непочато в качестве нарицательных слов, означающих 'золото' и другие сродные понятия, как на южном Кавказе, у грузин и армян,² так на севере у германцев, и, повидимому, также у русских, у последних в древности в принимаемом, повидимому, за искажение превосходном разномыслии в летописях «колоти» в значении «злати».³

Таким образом, скифы первоначально соседствовали с юга непосредственно со скифскими же племенами, колотами, или колхами, говорившими, следовательно, одинаково на различных наречиях или языках шипящей группы, к которой абхазы, разумеется, никак не могут быть отнесены своей речью в целом и общем, несмотря на присутствие в ней многих элементов шипящей группы.

В-третьих, со скифами непрестанно переплетаются везде кимеры, или иберы, они же тубалы, или тибарены, везде, а не на одном северном или восточном Черноморском побережье, и с доисторических эпох, а не с VII лишь века дохристианской эры, эпизода военных столкновений кимеров со скифами. То же самое сплетение скифов с иберами наблюдаем, судя по топонимике и языковым соотношениям, в частности по особенностям коптского, и в Египте. Специально

¹ За последние месяцы окончательно установилось, что термины «скиф», «кимер» и «ивер» в своей лишь, казалось бы, оформленности (суфф. -да, преф. ki- \ 1-) — пережитки двуплеменных слов: *sku-дан, *sku-мер (см. выше, стр. 163) и «ивер» с разновидностью «кимер» в первой своей части содержат одно и то же с термином «скиф» племенное название: skol, resp. skul → sku (→ шу, resp. су- \ ту- \ → ту-) ~ *hku ~ ki- \ 1-.

² Н. Марр, Термин «скиф» [см. здесь, стр. 1—43]; его же, Об яфетической теории, НВ, 1924, стр. 303—339 [перепечатано в ИР, т. III, стр. 1—34].

³ По вопросу подготавливается заметка, где будет речь и о русском «скот» и др.

в Абхазии с кимерским или иберским племенным образованием связаны наиболее выдающиеся названия населенных пунктов. Ведь чистая, казалось, основа тубалов (так называемая сибилантная разновидность), на самом деле усеченный вид двухплеменного термина,¹ есть нехарактеризованно *tub*, характеризованно *ṭum*, на низшей ступени *шum*, двойники полного по виду названия кимеров, или иберов (спирантизованная разновидность), усеченно — *kim*, и архетипы их для сибилантной разновидности — *tom* (← *ṭom*), для спирантной — *kom*. Акающую форму этой основы в полном виде и сохраняет грецизованный термин *kaṃag-it*, название племени, населявшего в исторические времена Абхазию, севернее Сухума.²

Но сибилантный прототип усеченного вида *tom* → *tum* это одна из трех огласовочных разновидностей, нехарактеризованно — *tam* || *tom* || *tem*, характеризованно — *ṭam* || *ṭum* || *ṭem*, resp. *tem*, на низшей ступени *sam* || *шum*, однако все эти разновидности позднейшие с утратой как будто второго коренного, собственно части разложившегося составного звука *ḥ*, и, напр., *tum* восходит к прототипу *ḥqum* (← *tkum* / *ṭkub*), в яфетическом аффрикатном произношении шипящего типа — *ḥqum* (архет. **ḥum*). И вот то в позднейшей, то в первичной разновидности все эти слова доисторически вошли в топонимику Закавказья от Черноморского побережья до первоначальной территории сванов на верховьях Энгура, Цхенис-цхали или *Ниррос*'а и даже Риона, и равно в роли нарицательных имен в сванской речи,³ в частности в топонимику Абхазии, так даже племенное название *tam* отложилось в названии большого абхазского селения *Ṭam-эш*. Но исключительное значение представляет для Закавказья, в частности для Абхазии, разновидность *ḥqum*, первоначальная форма названия Сухума, племенное название, равно название племенного божества, тотема, нарицательно означавшее не только 'близнецы' (отсюда г. *tkur* → *ṭkub*), но, как теперь выясняет палеонтология яфетических языков, и 'братья', т. е. термин материально свидетельствует о том, что Сухум именно есть Диоскурия или Диоскуриада, как то доказывал И. А. Орбели, и в роли названия это слово не менее древнее, чем Диоскурия и в том случае, если последнее название, как то вероятно, также местного происхождения.

Наконец, сама абхазская речь дает нам терминами первостепенной важности необлывное указание, откуда явились абхазы в своем исторически уже сложившемся окончательном виде, как приблизительно в таком окончательно сложившемся виде клином врезалась между чанами, или лазами, и мегрелами грузинская речь гурийцев.

Если возьмем название 'лошади', игравшее, несомненно, громадную роль у скифских племен и культово, то абхазское название *лаш-* с префиксом — *а-* и окончанием *-а* — *а-лаш-а*, и многочисленные его разновидности, не исключая и русского «лошадь» и немецкого «Ross» (← **qros*), тянут нас на север. На севере мы находим не одни эти разновидности. Русские термины «лошадь», «лошак»

¹ См. выше, стр. 162—163 в предисловии, 172.

² Н. Марр, Сухум и Туапсе [см. здесь, стр. 153—161].

³ Из нарицательных значений интерес представляет грамматический 'голова', см. Н. Марр, Пособие к лекциям по практическому изучению живого грузинского языка, § 12, изд. ЛИЖВЯ, № 8, стр. 20.

даже не разновидности, так как их основа *loш* есть прототип, к которому восходит абхазская основа *laш*, пройдя промежуточные стадии развития, именно и раздвоение **lawш*, откуда г. *laш*-а, и затем утрату *w* с удлинением гласного *a-lāш*, как то прослежено у сванов в названии реки 'Лошади' — «Цхенис-цхали», по-гречески Ἰππος.

В работе «Из абхазо-русских этнических связей»¹ эти материалы подробно излагаются и приводятся отмечавшаяся и раньше уже чисто абхазская форма *a-lāша* у вогулов на крайнем севере. Теперь же точно по мосткам, от абхазов до крайнего севера на Волге, мы можем проследить природное пребывание этого термина через Сванию, затем Осет¹ию («*алаша*»), Дагестан, где авары его произносят *alaɣa*, затем татарскую речь Казанского района, и, наконец, у чувашей *лаша* → *лаја*. Службу связи перерыву между верхневолжскими народностями и прикаспийским югом исправляет река Волга своим древним названием того же происхождения *Rha*: древность этого названия *Rha* датируется эпохой существования здесь этрусков или пеласгов, тотемным словом которых является этот термин в различных разновидностях. Это те на западе в Греции пеласги, в Италии этруски, которые сами себя называли «расенами» (*ras+en-a*), а на востоке в сегодняшней наличности — северо-кавказский многоплеменный народ «лазг» или «лезгин».

Однако абхазская основа интересующего нас термина *laш* восходит по форме, как было сказано (стр. 176), к шипящей группе, к скифской, следовательно, племенной речи; вместе с рядом слов того же порядка, типичным представителем которого она является, ее могли усвоить себе абхазы и на западе, непосредственно общаясь со скифами, или колхами. Этому мешало бы лишь то, что весь Северо-Кавказский район и все Поволжье это слово в значении 'лошади' знают в форме дальнейшего абхазского развития, тогда как чисто скифское его оформление *loш*, еще первичнее *гош*, сохраняют в своей передаче русский и германский языки.

Дело в том, что, как то указывает огласовка того же слова в названии реки Волги — *Rha*, переносившегося в древности и на Дон, абхазская разновидность с огласовкой «а» в обсуждаемом районе характеризует восточных соседей скифов — сарматов.

И как у грузин с сарматами, относимыми по звуковому облику их названия одинаково к свистящей группе, тождественная природа речи и сарматский тотемный бог в его составной форме *sar-mat* / *tar-mat*, так у абхазов в основе родной речи один коренной слой той же сарматской, именно свистящей, природы, и у них же главный 'бог' также сарматский тотемный 'бог', но в простой форме без суффикса (палеонтологически также племенного названия || слова) -*mat*, именно *ɣag* с префиксом *1-ɣag*, по-абхазски с неопределенным членом *a-uɣag*. Префикс *1-* формы *1-ɣag* равнозначит мегрело-чанскому префиксу *o- → u-*, и в западной Грузии это параллельная мегрело-чанская форма *O-ɣag* еще в прошлом столетии продолжала быть популярной по традиции у князей

¹ Н. Марр, Термины из абхазо-русских этнических связей. «Лошадь» и «Тризна» (К вопросу о племенном составе доисторического населения Средиземноморья) [см. здесь, стр. 117—152].

и дворян гурийских, мегрельских и сванских, очевидно, как пережиток теофорного, т. е. богоносного, имени.

Сама основа абхазского слова точно так же наблюдается давно в значении 'бога' у соседей мегрелов (ап-џаг-1), но прослеживается она и по линии распространения абхазского слова а-лап-а 'лошадь' по северному Кавказу, в этот раз у хевсуров (окающая с префиксом а- : ап-а+џог), с заходом в Азербайджан и опять-таки по Волге у чувашей. В Азербайджане она вскрыта в XIX в. в глубоких народных слоях, где ее не смыли господствовавшие здесь государственные религии, ни маздеизм, ни отчасти христианство, ни ислам, — вскрыта в форме џагы.¹ На северном Кавказе и у болгар-чувашей она появляется и с перегласовкой не только окающей, но и экающей — џег. У чувашей, именно с окающей огласовкой (џог-э → џиг-э), она употребляется в значении 'бога', означавшего 'небо' (собственно 'небо-вода'), тогда как с ослаблением окания (а-џэл) она сохранилась в нарицательном значении 'вода+река'. Интересно оформление экающей формы основы тег, resp. тег у аваров Дагестана в слове 'бог' — be-тèr-һап, как в beџèd 'бог', другом также тотемном боге у тех же аваров, с префиксом be-, разновидностью префикса ре- (↘ me-), что, между прочим, налицо в племенном названии ре-las+g, и с суффиксом -һап (↙ -qan).

Без префикса ту же форму тег нам сохранили не поддававшиеся толкованию ученых неславянские имена в списке болгарских князей, оказавшиеся сплошь яфетическими: это теофорное, очевидно, имя Ter-bel, составленное как г. ğur-bel 'облако', букв. 'дитя неба', и др. из основы тер 'бог', 'небо' и окончания -bel, как слова, означающего 'дитя', т. е. Ter-bel типологически построен как все пережиточные у различных индоевропейских народов яфетические имена героев, напр., Her-cul-es, букв. 'дитя неба' (→ 'бога') и т. п. Перерыв между северным Кавказом и Прикаспийским районом с одной стороны и северными народами Волги с другой в употреблении имени этого тотемного бога, племенного названия сарматов, собственно салов (саров), восполняется опять-таки рекой, в архаические времена именовавшейся Rha, в названии которой в позднейшие эпохи разновидности имени этого же тотемного сарматского бога (I-til || A-tal-a, чув. A-џel)² борются с болгарским племенным названием, также тотемом — Vol-ga (↗ Vol-ga).³

Мы переносимся как будто целиком в этногонию европейского Востока в средние века, но надо иметь в виду, что наш џаг (1-џаг и т. п.) имеет давность богинь — месопотамской (I-штар), этрусской (Tur-an) и, как мы видели, египетского бога (Tor), равно племенного названия первоначального населения на Апеннинском и Балканском полуостровах (I-tal, Ёе-tal), как Волга, полная форма Vol-gar ↗ Vol-gar есть с придатком окончания -gar, в яфетическом произношении -ĝar 'дитя', по основной части vol- ↗ bol-, разновидность 1-ber'a, племенного названия не только известного древнекавказского народа, но и первоначального

¹ Н. Марр, Краеведение, изд. Ассое. горск. краев. организ. Сев. Кавк., Ленинград, 1925, стр. 10.

² Н. Марр, Принолжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий [см. здесь, стр. 295].

³ Н. Марр, Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам, Прилож. к протоколам ОИФ, 1925 [см. здесь, стр. 286].

населения Пиренейского полуострова и западной вообще Европы, прежде всего донсториической Галлии.

Что касается до интересующего нас конкретно территориального района, из показаний древних писателей, главным образом Страбона, видно, что сарматы занимали северный Кавказ, соприкасаясь в это позднее время на юге с иберами, изучение же кавказской топонимики нам открывает поразительную картину распределения Закавказья между сарматскими и иными племенами. Как на севере в общем сарматы со скифами, отложившими свое имя в Кубани (← *sku-ma), находились территориально в отношении восточного народа к западному, так на кавказском юге, в Закавказьи, сарматы оказались основным слоем восточных племенных образований — Албании, Азербайджана, Грузии, именно qarḡvel'ов, и Армении, тогда как на западе Закавказья имеем скифов в виде колхов или переплетающихся с ними иберов; и вот, в эту иберо- или кимеро-скифскую или, что то же, тамо-скифскую этническую массу мы видим заброшенным племенное образование абхазское, с сарматским по речи слоем в составе, в Закавказьи представляющее и по местоположению в западной его части не менее исключительное, одинокое явление, чем по архаизму и по резко выраженной двуприродности строя своей речи, абхазской речи. По характеру двух разноприродных слоев этой речи, спирастной и свистящей, племенное образование могло бы по праву называться не скифо-сарматами, а кимеро- или иберо-сарматами, а если воспринять одну из усеченных сибилантных разновидностей термина ки-мер || и-бер, именно ta-m (в полной форме — *ta-maḡ) и наличную в абхазской речи со значением главного тотемного бога (a-uḡaḡ) форму sarmat'a также без конечной части, здесь уже цельного племенного названия -mat, но с префиксом 1- (1+ḡaḡ), первично o- (→ u-), то это племенное образование следовало бы именовать Tam-oḡaḡ.

Наличное название абхазов, в первоначальном его виде a-bas-k, по-абх. a-ḡs-wā, в своей чистой основе bas || *buṣ \ ḡs воспроизводит простое берское племенное название (1-ber) с соблюдением так называемого чувашского закона соответствия г ~ ш (→ ṣ) || s и т. д., отвечая таким образом на реальность — иберский коренной слой, собственно берский, абхазской речи. Реальное разъяснение этого термина находится в связи со сложным вопросом о коренных олоях и наслоениях в феэтических языках одноименных с абхазами с одной стороны басков на Пиренеях, с их таким же сложным отношением к пиренейским и-берам, с другой стороны доарийских армян, именно һайков или *pask'ов (← Pas-kam) у Ванского озера с их также отношениями к кавказским и-берам.¹

Дальнейшее уточнение анализа абхазского языка, сложившегося, по всей видимости, в основных своих слоях на северном Кавказе, представляет несо-

¹ Если бы я мог держаться историзма, я был бы вынужден при вскрывающихся фактах решительно связать эти этнические образования берского состава на восточном и южном побережьях Черного моря и особенно в Армении с вторжением кимеров в Малую Азию, т. е. датировать возникновение их VII в. до в. э., но независимо от того, что нахождение [басков ||] мушков у Ванских озер свидетельствуется также исторически за четыре столетия раньше, сложность первоначального этнического насыщения всей Афреазии нас отвращает от использования всех подобных исторических дат при решении этнологических проблем.

интерес не только для истории кавказских народов, но и для этногонии всеевропейского значения, в частности и той, которая происходила на юге России и в древнейшие эпохи, и в средние века. Без этого уточнения исследования абхазской речи нам не работать над вопросом о колхо-египетском родстве, в более правильной конкретной постановке — не египто-колхском, а копто-колхском или копто-чанском (лазском), равно копто-мегрельском родстве.

Без того же уточненного анализа абхазской речи нам не разъяснить ни болгарского, ни хазарского, ни других сродных вопросов, следовательно, в первую очередь и русского. В частности, с вопросом о возникновении абхазского народа и наличного абхазского языка несомненно находится в тесной связи вопрос тмутараканский, как реально, так терминологически. Последний мне известный наиболее обстоятельно разработанный трактат «Что такое Тмутаракань?», посвященный вопросу о происхождении самого названия покойным туркологом В. Д. Смирновым,¹ несмотря на ряд остроумных и интересных сопоставлений и массу усилий, страдает той же нереальностью постановки вопроса в целом, что и известная его работа о слове «челеби». Под термин, глубоко сидящий в быту, в поэзии, можно сказать в эпосе, вообще в племенной жизни целого ряда народов Востока, подводится греческое слово. Даже когда речь о «тархане» и совершенно основательно В. Д. Смирнов в корне отрицает возможность турецкого его объяснения, он свое отношение все-таки формулирует так: «В данном случае, когда дело идет о фактах VIII столетия н. э., не могло быть и речи о каком-то татарском, а тем менее монгольском титуле или имени «тархан»: здесь несомненно надо обратиться к тому же источнику, откуда произошло имя Т м у т а р а к а н ь, т. е. источнику греческому». И куда же нас это ведет? К произведению племенного названия **т**у**р**о**к** от предполагаемого исковерканного византийского чиповничьего звания. Мы здесь попадаем буквально в тот всеевропейский мир мышления, который навязывал ученым название термина «Азербайджан», оказавшееся этническим по происхождению, возводит к имени перса-сатрапа, ставленника Александра Македонского.² Вот в точности формулировка мысли В. Д. Смирнова о термине «тархан» его же словами:³ «Этот титул, будучи греческого корня, с течением времени отатарился, встретившись, в особенности в эпоху Тамерлана, с настоящим турецким словом Т а р х а н, служившим собственным именем одного из многочисленных турецких племен Средней Азии». Однако «настоящее турецкое слово», когда оно племенное название, никак нельзя разлучить с термином социального значения, каковым слово являлось у монголов, у которых слово означало и 'кузнеца', как культовый термин, он же тотемное выражение, 'бог', первоначально 'небо', что и устанавливается за его основой словом *tor-ə*, между прочим в чувашском, где сам наш социальный термин звучит *torğan*. А главное то, что это слово и с окончанием *mn.* числа, также племенное название, равно племенное божество, впоследствии и полубог, эпический герой, независимо от вхождения в виде *tar-qa* в состав *Tam-o-tarqa*, в полном:

¹ ВВ, т. XXIII, стр. 15—73.

² Н. Марр, Краеведение, стр. 9—10.

³ Указ. соч., стр. 45.

виде Таг-қап или Таг-қип, как уже основательно указывалось в печати еще 12 лет тому назад,¹ нас заносит не только в Среднюю Азию и турецко-монгольское средневековье, но и в архаический средиземноморский мир, в Малую и вообще Переднюю Азию и далее в Италию, здесь древнее этрусков VIII—IX века дохристианской эры.

Пора бы было и раньше кончить с этими фетишами, грекоманиею или ираноманиею, особенно же византинистическим разъяснением Востока востоковедом, когда реальность требовала и еще требует «востоковедного» разъяснения Византии не только исторической, но и этнографической объединенными силами и востоковедов и специалистов по Западу. Теперь же, когда и славянские, и турецкие племенные образования, последние благодаря вскрытию яфетидов в чувашах, генетически сближены, вернее связаны, с той же общеевропейской доисторической семьей, т. е. яфетической, о таких хитросплетенных заносно-эллинистических толкованиях неразъясненных живых бытовых элементов в племенной и социальной номенклатуре славянской и турецкой речи, думаю, можно бы и не говорить вовсе. Да, в том и нет надобности. Пока яфетидология не только не исчерпана, но не почата в трактовке этого рода вопросов.

Подобно долго не поддававшемуся разъяснению слову «челеби», к которому мы теперь благодаря хеттским данным имеем возможность вернуться в линии уточнения наших давно высказанных мыслей,² входящие в «Тмутаракань» слова яфетические, это племенные названия, и, естественно, тотемные термины, в связи с этим впоследствии и социальные (речь о звании «тарлан»). В целости «Тмутаракань» и «Таматарха», эти две языковые разновидности одного и того же составного термина, если бы перевести их привычными нам терминами, гласили бы одинаково «кимеро-» или «иберо-сармат», но это было бы не совсем точно: в точности они гласили бы «ким'ер¹-сар» или «иб'ер¹-сар», т. е. гласили бы так, как мы вынуждались назвать абхазский язык в результате установления его двуприродного состава и этнической среды его окончательного оформления. И в применении к абхазам для «ибер-сара» мы получали вариант tamodaḡ, т. е. хорошо известный и тем не менее всех нас ставивший в тупик термин Tamotar-ḡa без окончания ḡa (← қап).

Вторая часть термина Тмутаракань или Тамотарха, это в простой форме tarakaḡ || tarḡa, с префиксом же u-tarakaḡ или o-tar-ḡa, в праформе o-ḡar-ḡaḡ, т. е. разновидность теперь уже известного нам племенного названия и в то же время тотема-божества, с суффиксом -ḡaḡ, как в аварском be-ter-ḡaḡ, где префикс be- одного рода с re- в re-las-g'e, вместо префикса o- → u-, наличного и в упоминавшемся уже теофорном кавказском имени O-ḡar и равнозначного

¹ И. А. Джавахов, К вопросу о времени построения грузинского храма в Атене по вновь обследованным эпиграфическим памятникам, ХВ, т. I, стр. 296—297. Правда, сам автор, при существовавшей стадии развития яфетидологии, естественно старался устранить зависимость термина «ḡar-ḡoḡ из надписи IX в. от имени ḡarḡaḡ, имени, встречающегося среди хазар», как В. Д. Смирнов отгораживает причерноморский ḡarḡaḡ VI в. от среднеазиатского созвучного слова, но это понятно: при существовавшей тогда стадии развития яфетидологии осторожный исследователь не мог и думать об их связи, об общем источнике.

² Н. Марр, Еще о слове «Челеби». К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии, ЗВО, т. XX, стр. 99—150.

префикса *1-* в сохраненной абхазами форме *1-ḡâr*, основы их слова *a-yḡâr* ($\leftarrow a-1+\mathring{g}âr$) 'бог'.

О первой части того же географического термина «Тмутаракань» = *Tamotarḡa*, сначала племенного названия, теперь спорить не приходится: в полной форме целый ряд по трем групповым огласовкам это *tam || tom → tum || tem*. *Tamaṇ*, конечно, или мн. число его акающей разновидности (**Ta+m-an-e*), с понским племенным словом (*-an* / *-ḡan*) в роли признака мн. числа, или разновидность полной его формы (*ta-man*). С огласовкой «о» его дает Феофан в выражении *εις Τεμῆν*. С огласовкой «е», то в полной форме *temir* ($\sim$ **temur*), то с усечением завершающего слога *-ir* ($\sim$ *-ur*), легко принимаемого за окончание мн. числа, мы имеем его в составе одного из современных нам племенных названий того же района *Tem+ir-goṽ* или *Tem-goṽ*. Древнерусское начертание Тьмутаракан в самом нашем термине подсказывает форму с огласовкой «е» — **Tem-utara-kan* рядом также с архетипной формой **Tom-utara-kan*.

Литературные языки окружения не передают тех же основ с характеризованным зубным *t* в *tam* вм. *taṁ*, *t* в *tum* вм. *tom* и т. д., но представитель *tam* на низшей ступени *saṁ*, весьма распространенный вид этого слова в яфетических языках, сохранен в названии Тмутаракани еврейским *saṁ-kaṛ-ḡ*, арабским *saṁ-kaṛ-ṣ*. Появление *kaṛ* вм. *taṛ* во второй части сохраненного арабским и еврейским источниками варианта есть лишь закономерный спирантный эквивалент сибилантного *taṛ*, первоначально *ṭaṛ*.

Групповая перегласовка *a || o → u || e* присуща и этому спирантному эквиваленту того же корня, именно *kaṛ || koṛ → kuṛ || keṛ*, отсюда, как мы уже указывали в введении, полная закономерность и притом одинаковая древность трех форм названия Керчи: *Kaṛ-ḡ || Koṛ-ḡev || Koṛ-ḡem || Keṛ-ḡ*. Это глубочайшее заблуждение, когда время возникновения таких разновидностей определяют временем появления их в литературе, и потому, напр., форме *Keṛḡ*, кимерской, отказывают в древности, в существовании даже в XI веке или до появления «татар». Если говорить о действительной хронологии, основа *koṛ* (наравне с *kaṛ* и *ker*), как мы видели, позднейший спирантизованный вид архетипа **skor → skur*.

Яфетической сравнительной грамматикой и палеонтологией разъясняются все остальные разновидности самого составного термина, как то *Τηματαρχα* в *Notitia episcopatum*¹ и др.

Чистая основа термина, представленная еврейской и арабской разновидностями, именно *saṁ-kaṛ*, сохранилась в виде *saṁ-kuṛaṛ || saṁ-kaṛ* и т. п. у сванов в значении 'святыни', 'храма', 'церкви', 'алтаря', 'чудотворной иконы', первоначально, очевидно, племенного самкарского или таматарского тотема-бога.

В успевшем печатно появиться лишь в 1922 г. «Извлечении из свано-русского словаря», повидимому, не без основания писалось мною, что *saṁkaṛ* и сродные с ним сванские слова «культовые термины, происходящие от прикрывающих собою какое-то местное языческое божество». Теперь ясно, что

¹ Изд. de Boor, Zeitschrift für Kirchengeschichte, т. XII, стр. 319.

и слово само дохристианское, которое удастся выследить и у других народов Кавказа.

С вопросом о происхождении культового термина, первоначально тотема-бога гибридного по составу племени *saṃ-kaḡ* или *taṃ-o+taḡ-č*, связаны и генетически, и методологически поучительные, если не сказать изумительно-наглядные, случаи перерождения языческого божества в христианское, или, пожалуй, будет правильнее сказать обратно — перерождения христианского святого в народно-культовое существо, от язычества наследованное божество. При том и при другом восприятии явления, процесс перерождения состоял в адаптации, приспособлении звукового состава названия вновь вводившегося социально торжествовавшим христианством предмета поклонения к звуковому составу прежнего привычного названия издревле народно известной святыни, понятно, языческой.

Один такой случай имеем с термином 'архангел', по-грузински *m+ṡavaḡ-angel-oz*. Из Грузии распространялось христианство в горной полосе сванов и осетин, у которых христианский термин *m+ṡavaḡ-angeloz* претворился у одних, осетин, в *ṡaraṅḡāl-os*, а у других, сванов, в *ṡāṅṡgzel* и многочисленные его разновидности, как то *ṡaraṅgzel*, *ṡarizel*, *ṡaridel*, *ṡārdel*, казалось бы, все дальнейшие случайные искажения. На самом деле каждый шаг отхода от христианского архетипа, грузинского слова *m+ṡavaḡ-angeloz*, приближал к языческому термину, также составному, но из совершенно иных слов, названий народно известного важнейшего яфетического бога. Эти отдельные, народные названия, во-первых, *ṡar*, во-вторых, *ḡel*. Языческое божество *ṡar*, в различных оформлениях, прослеживается, как мы видели, от абхазов у Черноморья до чувашей на Волге, причем именно в промежутке между абхазами и хевсурами, казалось бы, утратили его и чистые яфетиды, сваны, и индоевропеизовавшиеся осетины, на самом деле они укрыли его путем адаптации в христианском термине, грузинском названии архангела; что касается языческого божества *ḡel*, оно поныне живо у самих сванов, в виде богини *Daḡ* и у соседящих с осетинами чеченцев в виде *Dēl*, означающего 'бог'. Таким образом, пока языческое просвещение господствовало в этих странах, сваны и осетины составной термин воспринимали, соответственно по-своему расчленив его (*ṡār+g-ḡel* || *ṡar-ḡel* → *ṡār-ḡel* и т. п., *ṡar+an-ḡāl*), как название своего родного божества.

То же самое произошло с именами архангелов, Михаилом и Гавриилом, или, наоборот, с составным народным названием языческой святыни, языческого божества, по-осетински звучащим *Mə+qalə-gäbər-ṡä*, а по-мегрельски — *Mi+qat-gar-io*. Случай методологически поучителен в том отношении, что, толкуя осетинское *Məqalə-gäber-ṡä*, В. Ф. Миллер, руководимый русской звуковой ориентацией, в первой части *məqalə* усмотрел Николу или Микулу вместо Николая, а Н. Я. Марр, отнесшийся к этому отождествлению с полным основанием отрицательно, сам впал в ту же ошибку, тогда незаметно для себя оказавшись под влиянием преувеличенного восприятия значения христианской культуры, и не только в *Məqal*, первой части осетинского *Məqalə-gäbər-ṡä*, но и в слове *Miḡam*, первой части мегрельского *Miḡam-gar-io*, признал имя архангела Михаила, а в обеих частях по совокупности имена архангелов Михаила и Гавриила,

и фонетически это ему удалось, увы, вполне обосновать.¹ Между тем в обоих случаях, и в осетинском, и в мегрельском, начальный слог *m-* → *m'e*¹ — есть обычный яфетический префикс, функционально эквивалент префиксов *re-*, *o-* (→ *u-*), *i-* и т. п., а палеонтологически пережиток племенного слова *mir*, *resp.* *per*, и является этот начальный слог и здесь в роли функционального придатка, префикса или племенного названия, в таком случае результата третичного скрещения, и без него чистые основы в осетинском *qalə-gabər* с осетинским окончанием множ. ч. — *ǰa*, в мегрельском *qam-gar* с мегрельским суффиксом -*io* представляют составные племенные названия, соответственные тотемные божества, именно *qalə* ← *gar* (← *kar*), это спирантная разновидность первого племенного названия составного термина «сармат», а *qam* ← *gab* — усеченный вид также составного двуплеменного *gä-bər* (✓ **ga-mir*), разновидности *i-beŕ'a*, одинаково с ним спирантных разновидностей, с тем формальным расхождением этих двух народных разновидностей *Mi+qam-gar+io* и *Mə-qalə-gabər+ǰa* самого составного термина, собственно их основ (*-qamgar-* и *-qalə-gabər-*), что тотемные слова, племенные названия, кажущиеся одинаково простыми по давности их употребления, при сложении расположены в мегрельском в порядке ибер-сара (*qam-gar-*), как в *Tam-otar'e* || *Tǰə'm-utar-e*, а в осетинском в порядке сар-ибера (*qalə-gar*), как в также разобранном уже нами *Kor+ko-dam'e*. Ясное дело, что чистая мегрельская основа этого гибридно-племенного культового термина *qam-gar* есть безукоризненно закономерная, в обеих частях выдержанно спирантная разновидность. Такая в этом отношении последовательность наблюдается в обеих частях сибилантного племенного, *resp.* географического, названия *Tam-otar* или *Təm-utar*, тогда как их же эквивалент *sam-kar*, у евреев сохранившийся в значении племенного названия, именно названия Тамотархи или Тмутаракани, а у сванов в значении культового предмета или места, собственно племенного тотемного божества, скроен пестро, именно первая часть сибилантная — *sam*, вторая спирантная — *kar*. И все эти, и еще другие опускаемые мною многочисленные переливы народного термина лишь усиливают наше положение, все больше и больше свидетельствуют об исконности и значении гибридного яфетического племенного образования, в Тмутаракани славянизовавшегося, в другой среде или окружении могшего отуречиться или иранизоваться, а в Абхазии оставшегося чистым яфетическим.

Однако еще вопрос, была ли Тмутаракань славянизована или ославянившейся, точнее обрусевшей. А. А. Спицын нас уверяет, что «русского населения здесь нет и не может быть», что «Тмутаракань Таманская не могла быть русским княжеством». Как мы уже в самом начале упоминали, по мнению А. А. Спицына, «русский князь здесь мог опираться лишь на свою дружину», но никак, мол, не на местное население обзоров. Он далее ставит вопрос, не была ли «Абхазия покоренной землей», причем Абхазиею он называет именно Тмутаракань. Исторического вопроса о государственном образовании мы не касаемся, нас интересует этнографический процесс. На юго-востоке, несомненно, происходила трансфор-

¹ *Ossetica-Japhetica*, I, ИАН, 1918, стр. 2072—2073.

мация яфетических племен в славянские, в частности русские. Тмутаракань IX—XI века не могла представить исключения из этого процесса, и вопрос именно в том, какого порядка процесс тут происходил, скрещение ли уже готового русского с языками пережиточного яфетического населения или перерождение местных яфетических племенных образований в индоевропейское русское, и в какой стадии развития находился этот процесс трансформации. Несомненно, что процесс протекал и здесь, как везде, классово, в порядке влияния господствующего слоя с индоевропейской речью на яфетическое массовое население, в этих путях могло совершаться скрещение индоевропейского языка с яфетическим.

Во всяком случае термин *ta-m* с разновидностями — теперь вполне разъяснившееся и фонетически и семантически слово — в данном случае племенное название, равнозначащее полновидным терминам *ki-mer* \ *i-ber*.

В то же время разновидностью этого *i-ber* является, в другой лишь форме, именно без префикса *i-* и с окончанием *-ğar*, — *Bol-ğar*, окончанием, означающим 'дитя' и заменяемым любым другим суффиксом из многочисленных равнозначащих яфетических служебных слов, между прочим и словом-окончанием *-van*, почему термин *bol-van* может быть не только племенным названием, равнозначащим термину *bol-ğar*, но и тотемным божеством болгар, или иберов, или, равным образом, там'ов, племени, входившего в состав «Тамотархи»; и когда в «Слове о полку Игореве» мы имеем совершенно естественно выражение «тмутараканский болван», т. е., следовательно, «иборо-сарматский» или «болгаро-сарматский», точнее «ибер-сарский» или «бер-сарский» 'бог', 'идол', собственно 'болгарское тотемное божество', то, думаю, при наличии кавказского краеведческого знания, в частности абхазского, два лучших ученых специалиста начала XX века турколог проф. П. М. Мелиоранский и классик, он же востоковед, академик Ф. Е. Корш, не теряли бы времени в бесконечных пререканиях касательно мнимого, для одного — турецкого, для другого — иранского происхождения термина «болван» в выражении «тмутараканский болван».¹ Вообще не возникал бы такой подход к тмутараканскому, русско-кавказскому вопросу ни у кого, ни еще раньше у академика-турколога В. В. Радлова, который также возводил тмутараканский термин к турецкому источнику, этому среднеазиатскому миражу, ни у профессора-турколога В. Д. Смирнова, который первый обратил внимание на случайное, да и сомнительное, созвучие тмутараканского «болвана» с абсолютно по значению не подходящим в контексте Слова о полку Игореве персидским *fehlevan*, заменяя турецкий мираж сплетением иранского и византийского миражей вообще в целом генетическом вопросе о Тмутаракани.

¹ Термины *i-ber*, *bol-ğar*, resp. *bol-gar* разновидности не только формальные, но и реальные, поскольку мы в *i-* и *-ğar*, resp. *-gar*, перестаем видеть лишь функциональные аллелы и признаем реальное племенное значение за ними, как пережитками племенных названий (см. выше, стр. 175, 183). То же самое приходится сказать о *bol-van*, то же самое о **bol-kan* || **bul kan*, т. е. в таком случае бер-иновском племенном названии, которое и лежит с утратой плавного *l* (|| *r*) в основе чув. *pu-gan*, 'кукла' (← 'истукан'). Все это существа дела в нашем вопросе не меняет, лишь подтверждает наши разъяснения, впрочем, о чув. (указ. выше) *pu-gan*, «болгар» и т. п. см. печатающийся в Чебоксарах доклад «Чуваши-яфетиды» [см. здесь, стр. 323—372].

Нашим докладом мы так же мало считаем окончательно разъясненным вопрос по Тмутаракани, как по черноморско-африканскому языковому родству, по которому лишь выдвигаем реально положение о родстве коптского ближайше с мегрело-чанскими языками, пережитками колхских или скифских наречий, вместо известного исторического свидетельства о родстве колхов с египтянами по речи и некоторым бытовым явлениям. Однако, как ни важны глоттогонические или генеалогические вопросы касательно таких ответственных или узловых районов исключительного значения, как Египет для всего архаичного Средиземноморья, как Абхазия и Тмутаракань для восточноевропейского средневековья, дело, однако, не в них, в этих все-таки частных вопросах. Дело в том, с чего я и начал вводную часть доклада: «Ритм и звуки это техника и материальная природа создания доисторической общественности, звуковой человеческой речи». Доисторическая общественность это племенная, а племенные образования абсолютно не однородные массивы, а производственно-классово слагавшиеся объединения или этнические образования. Как нации абсолютно не творцы всей исторической культуры, а тот или иной класс, как различные классы и сословия одной и той же нации носители различных в реальности культур, так племенные образования или объединения доисторической общественности не могли еще в большей степени не представлять картины расслоения в творчестве культурных ценностей, но в одной ли области звуковой речи? В одних ли языках продукции человеческого творчества за доисторическую эпоху связаны с племенной общественностью? При выяснении филиации родства самих памятников и территориального распределения их между потребителями необходимо искать источник производства, выслеживать самих производителей, не по существующим цельным массивам этнических образований, а по племенным их слоям, как в исторические эпохи по классам нации. Памятники материальной культуры, чем художественнее, тем менее могут иметь иную историю генезиса, чем различные роды и виды человеческой речи, создания не каких-либо цельных племенных массивов, а определенных племенных объединений, в частности их различных слоев, получающих творческую силу на фоне именно этого объединения и скрещения. Не пора ли и в истории материальной культуры вообще отказаться вместе с едиными генетическими центрами от миражей — чудодейственного творчества воображаемых цельных племенных или национальных образований? Я ставлю лишь вопрос.